

Е.С.Алексеевкова

ХАОС И ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ: О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ ДОВЕРИЯ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЗАПАДА

Ключевые слова: доверие в международных отношениях, Россия, ЕС, США, кризис, дискурс, риски, неопределенность

Резкое обострение отношений России и Запада, связанное с событиями на Украине, вызвало у многих экспертов-международников ощущение, что мир вернулся в эпоху холодной войны. Россию сравнивают с наиболее экстремистскими и непредсказуемыми квазигосударственными образованиями типа Исламского государства¹ и даже с нацистской Германией². Россия, в свою очередь, утверждает, что современная мировая система все больше напоминает «игру без правил», и возлагает ответственность за эскалацию конфликтов и разрастание глобального хаоса на Запад³. Подобное развитие международного дискурса неизбежно заставляет задуматься о том, как стал возможен столь глубокий кризис в отношениях сторон и можно ли каким-то образом восстановить утраченное доверие.

Но прежде чем анализировать современный кризис доверия между Россией с Западом, целесообразно определиться с тем, что представляет собой доверие и какова его роль в международных отношениях.

Проблема доверия в международных отношениях

Понятие доверия. С психологической точки зрения *доверие* есть состояние, при котором актер имеет позитивные ожидания относительно мотивов и намерений контрагента, полагая, что своим поведением тот не будет стараться причинить ему вред⁴. В условиях неизбежной асимметрии информации (а ни один актер международных отношений не владеет всей полнотой информации о мотивах, намерениях и интересах контрагента) и анархичности международных отношений в целом доверие выступает важным инструментом снижения неопределенности и формирования «правил игры», то есть институтов международной системы, уменьшающих риски.

Отношения доверия между сторонами возникают при наличии взаимного добровольного решения стать более уязвимым (vulnerable) для контрагента или, по крайней мере, не предпринимать каких-либо действий для повышения порога уязвимости. Таким образом, стороны *рискуют*, тем самым сообщая друг другу, что не имеют никаких скрытых агрессивных намерений. Иначе говоря, ключевым в отношениях доверия является *решение доверять*⁵. Демонстрация уязвимости —

¹ *Russia 2014.*

² *Обама 2014.*

³ *Заседание 2014.*

⁴ *Gambetta 1988.*

⁵ *Wheeler 2012;
Notter 1995.*

чрезвычайно важный этап, так как само то, что ты рискуешь и это не влечет за собой никаких негативных последствий, укрепляет уверенность в том, что контрагенту можно доверять.

Препятствия для формирования доверия. Доверие не является имманентной характеристикой отношений между государствами. Изначально государства не доверяют друг другу и конкурируют за одни и те же ограниченные ресурсы (территорию, исчерпаемые природные богатства, население и т.д.). Но поскольку состояние перманентной конкуренции, конфронтации и, тем более, войны неизбежно привело бы к истощению ресурсов, начинается поиск оптимальных способов сосуществования. Для мирного общежития требуется определенный уровень доверия, позволяющий избежать постоянного страха и наращивания вооружений для устрашения соседа. Вместе с тем имеется ряд препятствий, затрудняющих формирование взаимного доверия. Устранение этих препятствий — необходимое условие для принятия решения доверять.

Первым и, пожалуй, главным препятствием выступает *онтологическое недоверие*. Его причина — общая категоризация контрагента в континууме «свой—чужой». Как правило, основой для подобной категоризации служат этническая, национальная и религиозная принадлежность контрагента, идеология, память о прошлом опыте взаимодействия, вхождение в какой-то блок или союз и пр. И чем ближе контрагент к категории «чужой» в рамках данного континуума, тем больше усилий нужно приложить для формирования доверия к нему. Известный исследователь политического поведения Оле Холсти назвал этот феномен «моделью неотъемлемо присущей недобропорядочности» («an inherent bad faith model»)⁶, когда от контрагента заведомо ожидают (по сути, еще до начала взаимодействия) неблагоприятного поведения.

Второе по значимости препятствие для формирования доверия — *дилемма безопасности*⁷ — проистекает из асимметрии информации. Заведомая неполнота информации о намерениях контрагента порождает затруднения с интерпретацией его действий — носят ли они сугубо оборонительный или же агрессивный характер⁸. Сколько бы та или иная сторона ни твердила о своем миролюбии, другие государства могут увидеть в предпринимаемых ею шагах подготовку к агрессии. Дополнительным усложняющим моментом здесь является смена поколений политических лидеров: даже если действующий глава государства обещал, что некий инструмент (оружие, ПРО, флот и пр.) не будет использован против партнера, где гарантия, что его преемник не изменит своей позиции?⁹

*Поведенческая спираль*¹⁰. Для нашего контрагента важно не то, какими мы хотели бы выглядеть и какими выйдем в собственных глазах, а то, как он нас воспринимает. И если он воспринимает наши оборонительные действия как наступательные и агрессивные, то и его

⁶ Holsti 1976.

⁷ Booth, Wheeler 2008.

⁸ В данном контексте чрезвычайно показательны дискурс России и Запада вокруг систем ПРО в Европе.

⁹ Herz 1950.

¹⁰ Jervis 1976: 66.

ответ, скорее всего, покажется нам агрессивным. Так закручивается поведенческая спираль, в основе которой лежит расхождение между реальным посылом и восприятием его контрагентом.

¹¹ Booth, Wheeler
2008.

*Двойственный символизм*¹¹. Продолжением поведенческой спирали является и неоднозначность символических действий. Интерпретация смыслов сама по себе задача нетривиальная, а в условиях отсутствия доверия каждое действие контрагента рискует быть воспринятым как угроза. Поэтому так важен символический аспект коммуникации: символ должен быть таким, чтобы он максимально верно передавал истинный смысл действия или ситуации. Примеров сложностей с интерпретацией в современных международных отношениях множество. Один из них — доставка Россией гуманитарных грузов жителям Восточной Украины, воспринятая Западом как вторжение в границы суверенного государства. Другой яркий пример — ситуация с иранской ядерной программой. Несмотря на заверения иранского руководства, что в стране развивается исключительно «мирный» атом, в глазах США (а также Израиля и ряда других стран) любые усилия Ирана в данном направлении выглядят как стремление освоить технологии производства атомной бомбы.

Уровни доверия. При анализе доверия в межгосударственных отношениях важно понимать, на каких уровнях оно может формироваться. Ведь когда ставится вопрос, доверяет ли государство А государству Б, речь обычно идет о доверии на уровне политического руководства. Между тем картина гораздо сложнее, и в действительности можно выделить как минимум три уровня доверия.

1. *Межличностное доверие* (personalized trust) — доверие на уровне конкретных лиц, в том числе внутри элит, а также на уровне семей, малых групп, социальных сетей и пр.

Доверие между политическими лидерами и представителями элит, безусловно, имеет большое значение для отношений между соответствующими государствами. Например, хорошие личные отношения Михаила Горбачева с Рональдом Рейганом, вне сомнения, помогли положить конец холодной войне. Можно вспомнить также «дружбу» Бориса Ельцина с президентом США Биллом Клинтон — и особые отношения между Москвой и Вашингтоном в 1990-е годы. Межличностное доверие на уровне элит чрезвычайно важно, поскольку именно от них в конечном счете зависит, будет ли принято решение доверять, и именно они играют определяющую роль в формировании международного дискурса, в котором будет господствовать доверие либо недоверие.

Не следует недооценивать и вклад в формирование доверия между государствами межличностного доверия на микроуровне (на уровне семей, малых социальных групп и социальных сетей). Как правило, это доверие становится результатом общности культуры, истории, активных миграционных процессов, налаженной коммуникации и т.д. Так, высокий уровень доверия на микроуровне наблюдается внутри Евросоюза;

вплоть до недавнего времени он был характерен для жителей Украины и России и т.д.

Необходимо отметить, что доверие на микроуровне формируется довольно долго и главным образом на основе повседневных практик. И если на уровне самих обществ отсутствуют трансграничные социальные сети и позитивные практики взаимодействия, никакие заявления о доверии между государствами на высшем уровне его не обеспечат.

2. *Общее доверие* (generalized trust) — доверие на уровне гражданского общества.

Об общем доверии можно говорить тогда, когда жители двух государств не воспринимают друг друга враждебно, когда между обществами нет радикальных различий в идеологии, непримиримых религиозных противоречий или территориальных споров и борьбы за идентичность, когда в коллективной исторической памяти союзнические отношения преобладают над соперничеством и открытой враждой. Как правило, такому восприятию сопутствуют довольно плотные торговые отношения, развитый трансграничный бизнес и тесное взаимодействие на уровне гражданских структур. Общее доверие касается также и сферы бизнеса: считается ли страна благоприятной для ведения бизнеса, комфортный ли там инвестиционный климат, высоки ли политические риски, нет ли социокультурных барьеров для предпринимательской деятельности и т.д.

3. *Институциональное доверие* (institutionalized trust) — доверие к институтам государства-контрагента, а также доверие, воплощенное в институтах, созданных совместно или в партнерстве с ним.

Доверие к институтам рыночной экономики соседнего государства проявляется в создании зоны свободной торговли, доверие к работе таможенных служб, судебной системы и системы правопорядка — в отмене визового режима и открытии границ, доверие к валютной и финансовой системе — в создании общих финансовых институтов, единой валюты и пр. Институциональное доверие выражается также в образовании экономических союзов и совместных структур в области безопасности, в предоставлении торговых преференций и прочих формах интеграции.

Институциональное доверие, по сути, является закреплением доверия предыдущих типов. Доверие, возникшее в процессе длительного взаимодействия сетей гражданского общества и бизнеса, с течением времени закрепляется институционально. Положительная практика, основанная на взаимном доверии, институционализируется. В этом смысле институциональное доверие есть своего рода высшая форма доверия.

Однако институциональное доверие — это еще и доверие к международным институтам (ООН, международные суды и пр.) и институтам третьей стороны. *Доверие к международным институтам* — это доверие к совместно выработанным «правилам игры», следование которым делает поведение партнера предсказуемым. Консенсусное формирова-

ние разделяемых всеми акторами правил поведения на международной арене — одно из условий стабильности мировой системы. Немаловажное значение имеет и *доверие к третьей стороне*, способное компенсировать недоверие между партнерами: при наличии третьей стороны, которой доверяют оба актора, спор между ними не приведет к разрушению доверия.

Происхождение доверия. В условиях анархичности, характерной для международных отношений в целом, доверие выступает ключевым инструментом снижения неопределенности, позволяющим избежать «войны всех против всех». Чем же обусловлено появление доверия в отношениях между государствами? Каковы условия его формирования в трактовке различных направлений в теории международных отношений?

С позиций политического реализма (основоположниками которого были Ганс Моргентау, Джордж Кеннан и др.), доверие вырастает из способности правильно понять интересы партнера, поскольку интересы суть объективная данность, которая движет действиями акторов. Если удастся правильно идентифицировать интересы партнера, его поведение становится более предсказуемым. Контролировать поведение партнера так, чтобы оно не было направлено во вред, помогает превосходство в силе. Кроме того, доверие продуцируется балансом сил и системой взаимного сдерживания. До тех пор, пока не нарушен баланс сил и функционирует система сдерживания, можно говорить о предсказуемости поведения партнера. Но поскольку баланс сил — состояние весьма хрупкое, то вести речь о системном доверии между контрагентами не приходится. Доверие в реалистической картине мира крайне нестабильно.

С точки зрения приверженцев *либерального подхода* (Джозеф Най, Роберт Кеохейн и др.), доверие возникает в результате взаимозависимости между государствами на разных уровнях взаимодействия (бизнес-сообщества, гражданское общество, элиты). В условиях взаимозависимости негативное поведение по отношению к контрагенту чревато убытками и для самого актора, поэтому можно ожидать, что он будет стараться не причинять вред партнеру. Именно отсюда и происходит доверие. Его формированию благоприятствует также наличие общих угроз (на региональном и глобальном уровнях). Осознание таких угроз способствует преобладанию кооперативного поведения над конфликтным. Будучи механизмом предотвращения девиантного поведения со стороны партнеров, взаимозависимость воплощается в пространстве многовекторной дипломатии и увеличении числа интеграционных образований. Развивающиеся в таких образованиях средства коммуникации стимулируют процесс переговоров и формирование доверия.

В рамках *марксистской и неомарксистской парадигмы*, а также *мир-системного подхода* доверие трактуется как следствие междуна-

родного разделения труда и взаимозависимости. При этом речь идет как о зависимости слабого от сильного (периферии от центра — в концепции Иммануила Валлерстайна), так и о зависимости сильного от слабого, обусловленной разделением труда. Но такое доверие весьма нестабильно. Устойчивое доверие возможно лишь в случае отмирания государства и исчезновения эксплуатации на международном уровне.

Сторонники *цивилизационного подхода* (Сэмюэль Хантингтон и др.) считают главным основанием доверия культурно-цивилизационную общность между государствами. По их мнению, именно сходство культурно-религиозного восприятия мира является базовой предпосылкой формирования доверия.

В *конструктивистской парадигме* (Александр Вендт и др.) доверие предстает производной от коллективных ценностей, идей, общей культуры и социальной идентификации. Социальные нормы формируют и меняют международную политику в гораздо большей степени, чем вопросы национальной безопасности. Доверие вырастает из одинакового восприятия событий, норм и ценностей.

Эволюция доверия в международных отношениях. По мере трансформации системы международных отношений менялись и те основы, на которых строилось доверие между государствами.

Базовой предпосылкой формирования доверия в *вестфальской системе*, делавшей его в принципе возможным, было отсутствие явной конкуренции за ресурсы. Важную роль в этом плане играла также общность религиозных представлений: иноверцы считались «чужими» по определению, и о доверии к ним речи быть не могло. Ключевым же механизмом поддержания такого выступало межличностное доверие на уровне элит, главным образом в форме династических браков и семейных уз.

После Вестфальского мира 1648 г. роль религиозных ценностей ослабла, и внешняя политика государств стала определяться в первую очередь экономическими, династическими и геополитическими интересами. *Вестфальская система* строилась на принципах национального суверенитета и нерушимости границ. В этих условиях возникает представление о балансе сил как основе доверия. Но поскольку баланс сил — вещь довольно хрупкая, формируемые на его основе межгосударственные союзы и коалиции носят гибкий и изменчивый характер, что отражает в целом невысокий уровень взаимного доверия (сегодня — «друг», завтра — «враг»). Это неустойчивое доверие базируется на стремлении не позволить кому-либо аккумулировать силы, значительно превосходящие мощь соперников. При всем том в рассматриваемый период начинается постепенная институционализация доверия — появляется представление о необходимости выполнять подписанные договоры, зарождается международное право. Жан Боден в «Шести книгах о государстве» вводит понятие суверенитета, Никколо Макиавелли в «Государе» говорит о государственном интересе, Гуго Гроций в тракта-

те «О праве войны и мира» закладывает основы будущего международного права.

Версальский мир стал еще одним шагом на пути институционализации доверия, создав для него более широкую и разветвленную договорно-правовую базу. Однако и она не смогла предотвратить Вторую мировую войну — система, в основе которой лежат национальный интерес и концепция баланса сил, по определению хрупка, если только этот баланс сил не подкреплён неким более устойчивым фактором.

Ялтинско-Потсдамская система закрепила биполярное мироустройство, в рамках которого конкурировали два проекта мирового развития. Несмотря на гонку вооружений и довольно шаткий баланс сил, блоковое противостояние заметно повысило степень предсказуемости (а тем самым — и доверия) в мировой политике, прежде всего на институциональном уровне (чему способствовало и развитие международных структур). В результате появления ядерного оружия баланс сил стал более стабильным: гарантированное взаимоуничтожение, как это ни парадоксально, превратилось в фактор укрепления доверия.

Доверие между обществами (*generalized trust*) в рамках данной системы находилось под жестким влиянием идеологии. Понятия врагов и друзей, своих и чужих четко делили мир на тех, кому можно доверять (государства «своего» блока), и тех, кому доверять нельзя. Однако даже поведение тех, «кому доверять нельзя», было весьма предсказуемым, поскольку гарантировалось лидером соответствующего блока.

Эрозия Ялтинско-Потсдамского мирового порядка в 90-е годы XX в. и постепенный упадок Вестфальской системы международных отношений породили потребность в поиске новых оснований для формирования доверия на международном уровне. Это повлекло за собой продолжающиеся по сей день попытки создания и институционализации системы взаимозависимости как на экономическом, так и на идеологическом уровне, что нашло свое выражение в бурном развитии наднациональных международных структур и интеграционных образований. Поскольку обязательства, взятые на себя государством в рамках какой-либо структуры, неизбежно ограничивают его действия на международной арене, интеграция в наднациональные структуры и союзы привела к повышению степени предсказуемости поведения акторов, а следовательно, и степени доверия. Распространяемая Западом либерально-демократическая система ценностей в сочетании с экономической зависимостью стала, по сути, играть ту же самую роль, которую в предшествующие эпохи играли национальные интересы и религия. Подобно религии в довестфальский период, идеология, основанная на либерально-демократической системе ценностей, делит мир на «своих» и «чужих», и главная ее функция — определение круга тех, кому доверять можно, и идентификация тех, кому доверять нельзя.

Однако унификации мира на основе общих ценностей не получилось. Либерально-демократический мир как общепланетарный проект не состоялся, и «конца истории» пока не видно. По-прежнему сохра-

няются религиозные, этнические, идеологические, ценностные линии расколов, проходящие не только между государствами, но и внутри некоторых из них. Несмотря на наличие громоздкого корпуса международного права, об институционализации доверия тоже говорить не приходится. По сей день существуют различные трактовки одних и тех же норм, причем число их растет. Острые дискуссии продолжают вызывать даже такие вроде бы устоявшиеся понятия, как, например, «национальный суверенитет».

В итоге международные отношения *эпохи постмодерна* представляют собой «микс» национальных интересов и баланса сил (которые никуда не ушли), взаимозависимости (которая местами удалась, местами — нет) и глубинных домодерновых онтологических и ценностных расколов, которые начинают играть все большую роль в современном международном нарративе¹². Мир постмодерна требует конструктивистских подходов и соответствующих аналитических инструментов. Ключевым фактором формирования доверия становится выстраивание нарратива и дискурса, идентификация с тем или иным набором норм и ценностей. В то же время в некоторых современных обществах по-прежнему актуальна интеграция на основе религии и этничности, и именно этот нарратив они зачастую транслируют вовне, причем в радикальных и экстремистских формах.

Вследствие глобализации обмена информацией государства постмодерна оказываются неспособны устоять перед нарративом, формирующимся поверх национальных границ. Современное государство утрачивает монополию на дискурс и интеграцию общества на своей территории¹³. Выстраивание доверия в современных международных отношениях происходит не на уровне государств, а на уровне социальных сетей — на основе общих ценностей и идентичностей.

Между государствами, в свою очередь, разворачивается борьба за сферы интеграции, которая все больше превращается в чуть ли не единственный способ институционализации доверия. Доверие к ООН снижается с каждым днем, после кризиса 2008 г. то же происходит и с международными финансовыми структурами, G8 (то есть уже снова G7) и G20 воспринимаются скорее как дискуссионные площадки. В этих условиях усиливается стремление к созданию эффективных региональных интеграционных образований (как в сфере экономики, так и в сфере безопасности), способных обеспечить своим участникам более высокий уровень доверия, чем на мировой арене в целом.

Но в сетевом постмодернистском мире, как уже говорилось, интеграционные устремления государств отнюдь не всегда совпадают со стремлениями всех частей общества, ибо некоторые из них могут быть интегрированы совсем другим дискурсом. Наднациональная интеграция как способ повышения доверия на международном уровне не только не снимает проблему внутренней интеграции и внутренних расколов, но, напротив, усугубляет ее. В результате возникает конфликт нарративов и кризис доверия — как внутри государства, так и

¹² В широком смысле этого слова — как потоке не только слов, но и дел.

¹³ Подробнее см. Алексеенкова 2007.

за его пределами. Именно это стало причиной политического кризиса на Украине.

**Кризис доверия
в отношениях
России с Западом**

¹⁴ *Lakshmanan
2014; German
Ambassador 2014.*

¹⁵ *Lakshmanan
2014.*

¹⁶ *Top 2010.*

¹⁷ *Так, в 2008 г.,
отвечая на во-
прос, является ли
нынешняя Россия
«империей зла»,
как в свое время
Рональд Рейган
назвал Совет-
ский Союз, Барак
Обама заявил: «Я
думаю, что они
замешаны в пороч-
ных действиях (evil
behavior)... для нас
важно понимать,
что Россия не Со-
ветский Союз, но
у них до сих пор
присутствуют
националисти-
ческие импульсы,
которые... очень
опасны» (Цит. по:
McCain 2008).*

¹⁸ *Лавров 2014.*

Кризис доверия или украинский кризис: что первично? Украинский кризис серьезнейшим образом отразился на отношениях России и ЕС, России и США¹⁴. Так, 30 сентября 2014 г. посол Германии в США Петер Виттиг заявил, что политика Владимира Путина разрушила доверие к Москве, заставив политиков и бизнесменов почувствовать, что «мы больше не партнеры». По его мнению, решение о включении Крыма в состав РФ и поддержка Россией сепаратистов на востоке Украины вернули Европу к ситуации до 1989 г.¹⁵ Однако можно ли сказать, что украинский кризис спровоцировал кризис доверия в отношениях России с Западом? Или же надо переформулировать вопрос: был бы возможен украинский кризис, если бы он не развертывался на фоне недоверия между Россией и Западом?

Совершенно очевидно, что на онтологическом уровне недоверие в отношениях контрагентов присутствовало и до событий 2013 г.¹⁶ В России видели источник опасности и никогда не причисляли ее к кругу «своих»¹⁷. Россия же, в свою очередь, заявляла, что не приемлет расширения НАТО на восток и размещения натовской системы ПРО по соседству со своими границами, то есть воспринимала эти действия как враждебные. Но при всем том господствовавший вплоть до 2013 г. официальный дискурс упорно пытался скрыть это онтологическое недоверие за декорациями «партнерства». С началом украинского кризиса декорации оказались убраны, что и у нас, и на Западе было воспринято с облегчением: наконец-то можно открыто высказывать все, что думаешь.

Сегодня конфликт национальных интересов России и Запада открыто признается обеими сторонами¹⁸. Однако выстраивавшийся в 1990-е годы официальный дискурс этот факт затушевывал, что, в общем-то, было не сложно: в то время Россия была полностью погружена в решение внутренних проблем, и ей было не до отстаивания собственных интересов на международной арене. Именно это, судя по всему, и позволило Западу развивать дискурс о «партнерстве» и «доверии». После распада СССР баланс сил резко сдвинулся в пользу Запада: а почему бы не «доверять» слабой России? Ведь она все равно не представляет серьезной угрозы и, завися от финансовых потоков с Запада, демонстрирует вполне предсказуемое поведение. Для российского руководства подобный дискурс тоже был выгоден, поскольку он гарантировал те самые финансовые потоки. Но когда у России появилась возможность оглядеться, выяснилось, что такие «партнерство» и «доверие» предусматривают практически полное бездействие на международной арене, а уходящее корнями в давнюю социокультурную традицию стремление быть самостоятельным актором никуда не исчезло. Восприятие российским руководством сложившегося положения

хорошо отражают слова, прозвучавшие в ходе выступления Путина в дискуссионном клубе «Валдай» 24 октября 2014 г.: «Создалось впечатление, что так называемые „победители“ в холодной войне решили „дожать ситуацию“, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы»¹⁹.

¹⁹ *Остановить 2014.*

Вместе с тем необходимо отметить, что политикам с обеих сторон отчасти удалось убедить общественность в возможности партнерских отношений. «Декорации» 1990-х годов стимулировали развитие доверия на уровне гражданского общества и бизнеса, доказательством чему служат многочисленные совместные предприятия, проекты, взаимные инвестиции (в наибольшей степени страдающие сегодня от экономических санкций). «Снятие» дискурса холодной войны, бесспорно, сыграло позитивную роль с точки зрения формирования доверия на низовых уровнях, хотя сколько-нибудь серьезных онтологических трансформаций так не произошло.

В условиях неизжитого онтологического недоверия перспектива подписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС была воспринята российской стороной (на уровне официального дискурса) как угроза, чреватая разрывом экономических связей между Украиной и Россией, вступлением Украины в НАТО, а также потерей основной базы Черноморского флота. Между соглашением об ассоциации Украины с ЕС и натовскими войсками у российских границ, а также полным разрывом экономических связей был *de facto* поставлен знак равенства, и само соглашение стало своего рода символом агрессивных намерений Запада. В свою очередь, попытки России договориться с Украиной были восприняты на Западе как давление и вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Таким образом, сначала сработали механизмы *дилеммы безопасности* и *двойственного символизма*. Далее мы наблюдали классическую картину закручивания *поведенческой спирали*, когда действия актора, с его точки зрения направленные на защиту своих национальных интересов и сохранение *status quo* в отношениях (то есть, по сути, оборонительные), были расценены контрагентом как агрессивные.

Присоединение Крыма к РФ, воспринятое в категориях *дилеммы безопасности*, окончательно убедило Запад в российской агрессии на международном уровне. После этого уже ни у кого не возникало сомнений, являются ли действия России оборонительными или агрессивными. В этой парадигме теперь трактуются все российские шаги, и преодолеть ее, как представляется, будет чрезвычайно непросто.

Как в России, так и на Западе формирующийся официальный дискурс закрепил разделение на «друзей» и «врагов», «пострадавших» и «виноватых». Украинский кризис и его последствия для отношений между Россией и Западом отчетливо показали, что в современном мире дискурс важнее и «действеннее» и взаимозависимости, и даже национальных интересов. Понятно, что глубокий экономический кризис, который неминуемо ожидает и западные, и восточные области Украины,

не в интересах ни России, имевшей с Украиной тесные экономические связи, ни Европейского союза, заинтересованного в украинском рынке. Тем не менее они позволили конфликту достичь той глубины, при которой он наносит ущерб обеим сторонам (и экономика России, и экономика ЕС страдают от действующих санкций).

Деструктивное воздействие украинского кризиса на доверие между Россией и Западом ощущается на всех уровнях.

На *институциональном уровне* Россия воспринимается как страна, не соблюдающая международные нормы и договоры и нарушающая ключевые принципы современного мирового порядка, в основе которого лежат понятия национального суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ. К российским институтам и законодательству доверия нет²⁰, поскольку считается, что они меняются по воле одного человека. Взаимодействие с Россией в рамках международных структур постепенно сводится к минимуму, приостановлено участие страны в G8, российская делегация лишена права голоса в ПАСЕ.

На *уровне «generalized trust»* доверие к российскому обществу подорвано²¹, что связано, в частности, с одобрением большинством россиян действий руководства страны в отношении Украины, включая присоединение Крыма. Вследствие экономических санкций упала и без того невысокая инвестиционная привлекательность России, повысились риски ведения бизнеса, ухудшился инвестиционный климат. Под деструктивным натиском господствующего дискурса не устояла и экономическая взаимозависимость, о которой так много говорили в последние годы в контексте отношений России и ЕС²².

Значительно пострадало и *межличностное* доверие, в том числе на уровне малых социальных групп и социальных сетей. Что касается доверия к российским политическим лидерам, то о нем сейчас просто не приходится говорить.

Таким образом, события последнего года показали, что недоверие на уровне лиц, принимающих решения, и сопутствующий этому официальный дискурс в духе холодной войны способны в сжатые сроки разрушить доверие и на всех остальных уровнях. Между тем обратный процесс отнюдь не так прост. Прочные связи на уровне бизнес-структур и гражданского общества, трансграничные социальные сети, как правило, формируются не одно десятилетие; еще большего времени и труда требует институционализация доверия.

Пути преодоления кризиса доверия. Очевидно, что стартовые позиции для выстраивания доверия между Россией и Западом сегодня хуже, чем в 1989 г. Очевидно также, что для России условия диалога будут более жесткими, чем 30 лет назад, поскольку тогда она чужих территорий не присоединяла. Какие же механизмы здесь могут быть задействованы?

²⁰ Nocera 2014.

²¹ Согласно опросу, проведенному в августе 2014 г., 82% немцев считают, что России нельзя доверять, а 70% высказываются за ужесточение экономических санкций против нее. Подробнее см. CNN/ORC POLL 2014; Shuster 2014.

²² Freiherr von Fritsch 2014.

Зарубежные исследователи международных отношений предлагают два ключевых подхода к преодолению недоверия между противниками. Это «постепенное взаимное снижение напряженности» («graduated reciprocation in tension reduction») ²³ и система «дорогостоящих сигналов» («costly signal») ²⁴.

²³ Osgood 1962.

²⁴ Kydd 2005.

Первый метод заключается в том, что один из акторов делает шаг навстречу контрагенту, сохраняя при этом необходимый уровень национальной безопасности и неся «ограниченный риск». Если на эту исходную уступку контрагент отвечает аналогичной, начинает формироваться «спираль доверия», и стороны делают следующие шаги навстречу друг другу. Однако эффективность данного метода во многом зависит от картины мира соответствующих акторов и, в частности, от того, какое место в этой картине мира занимает контрагент — является ли он онтологическим «врагом» или «чужим». Кроме того, существует опасность, что первый шаг навстречу будет воспринят контрагентом как уловка или трюк. Поскольку контрагенту заведомо сложно понять, какой уровень национальной безопасности действительно «необходим» другой стороне, он едва ли сможет по достоинству оценить ее «жест доброй воли».

Принимая во внимание все эти проблемы, второй метод включает в себя более радикальные действия. Чтобы «жест доброй воли» был гарантированно замечен и оценен по достоинству, он должен быть «дорогостоящей» уступкой. Но в этом случае стороне, которая делает первый шаг, приходится идти на значительный риск, что существенно затрудняет принятие подобного решения.

Если говорить о политике «малых дел», то Россия, по мнению ее руководства, уже сделала ряд соответствующих шагов, пытаясь наладить гуманитарные коридоры для украинских военных, доставляя гуманитарную помощь в Донецк и Луганск, разработав план перемирия и содействуя его принятию. Однако данные шаги были восприняты на Западе именно в том ключе, о котором говорилось выше, — как трюк и уловка ²⁵.

²⁵ Botelho, Isaac 2014.

Какие «дорогостоящие сигналы» могла бы подать Россия? Один из них вполне очевиден — это возвращение Крыма Украине, но российское руководство едва ли на это пойдет, в том числе и по внутриполитическим причинам. Отмена же в одностороннем порядке санкций в отношении Запада будет воспринята скорее не как «дорогостоящая» уступка, а как еще одно подтверждение уязвимости российской экономики. В свою очередь, для Запада «дорогостоящим сигналом» было бы признание Крыма частью РФ, что категорически неприемлемо для руководства ЕС и США, если следовать логике их дискурса. Другим подобным сигналом могла бы стать отмена антироссийских санкций, но для Запада это, по сути, единственный невоенный инструмент давления, и отказ от него был бы воспринят там как проявление слабости перед лицом «агрессивной» России.

Не преуменьшая значимости обоих подходов к преодолению недоверия, следует отметить, что сторонам, реально обеспокоенным низким уровнем доверия между ними, стоило бы начать с анализа собственного восприятия контрагента — не является ли он в их глазах онтологически, априорно виновным? При положительном ответе на этот вопрос потенциал для формирования доверия сможет быть в полной мере реализован лишь при условии существенного изменения картины мира и места в ней контрагента. Наряду с изменением онтологического статуса контрагента, необходимо радикально изменить дискурс: пытаться выстраивать доверие в рамках нарратива, в котором контрагент представлен как главная мировая угроза, заведомо бессмысленно²⁶. А ведь именно так в американском дискурсе сейчас позиционируется Россия²⁷, а в российском — США²⁸.

Второй вопрос, который нужно было бы задать: не обусловлено ли поведение контрагента действительно страхом, а вовсе не агрессией? Вслед за этим стоило бы проанализировать свои действия и попытаться понять, что в них могло быть воспринято контрагентом как угроза.

Следующий момент, важность которого трудно переоценить, — это наличие постоянного диалога и работающих каналов коммуникации. В этом смысле совершенно абсурдными выглядят такие методы, как ужесточение визового режима, отказы в выдаче виз, отмена визитов и срыв переговоров, ликвидация существующих диалоговых площадок, препятствия для работы бизнеса и т.д. Подобные методы контрпродуктивны со всех точек зрения, потому что при отсутствии коммуникации невозможно достичь никакого позитивного результата: основной посыл либо просто не будет услышан, либо будет истолкован неверно. Для стимулирования доверия между государствами необходима тактика, ровно противоположная той, которую мы наблюдаем: не закрытие, а открытие границ, не торговые санкции, а поощрение бизнес-контактов, не свертывание совместных проектов и диалоговых площадок, а увеличение их числа, не продвижение через СМИ образа врага, а хотя бы нейтральная подача информации.

²⁶ *Rupert 2014.*

²⁷ См., напр. *Ibidem; Garton 2014.*

²⁸ Так, выступая 24 октября 2014 г. в Валдайском дискуссионном клубе, Путин заявил: «Односторонний диктат и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат. Вместо урегулирования конфликтов — эскалация. Вместо суверенных, устойчивых государств — растущее пространство хаоса. Вместо демократии — поддержка весьма сомнительной публики — от откровенных неонацистов до исламистских радикалов» (Выступление 2014).

Библиография

Алексеев Е.С. 2006/2007. О когнитивной природе власти // *Полития*. № 4 (43) [Alekseenkova E.S. 2006/2007. O kognetivnoj prirode vlasti // *Politeia*. № 4 (43)].

Выступление В.Путина перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2014 [Vystuplenie V.Putinapered uchastnikami zasedanija Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday». 2014] (<http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html>).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2014 [Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday». 2014] (<http://www.kremlin.ru/news/46860>).

Лавров: Москва против «примитивных схем» противостояния России и Запада. 2014 // *Российская газета*. 13.10 [Lavrov: Moskva pro-

tiv «primitivnykh skhem» protivostojanija Rossii i Zapada. 2014 // Rossijskaja gazeta. 13.10] (<http://www.rg.ru/2014/10/13/lavrov-site-anons.html>).

Обама сравнил российскую агрессию с нацизмом. 2014 // *Украинская правда*. 3.09 [Obama sravnil rossijskuju agressiju s nacizmom. 2014 // *Ukrainskaja pravda*. 3.09] (<http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/09/3/7036632/>).

Остановить глобальный хаос: Система глобальной безопасности ослаблена, раздроблена и деформирована. 2014 // *Российская газета*. 24.10 [Ostanovit' global'nyj khaos: Sistema global'noj bezopasnosti oslablena, razdroblena i deformirovana. 2014 // Rossijskaja gazeta. 24.10] (<http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html>).

Booth K., Wheeler N.J. 2008. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. — Basingstoke.

Botelho G., Isaac L. 2014. *Russian Convoy Rolls into Ukraine: «Humanitarian» Aid or «Direct Invasion»?* (<http://edition.cnn.com/2014/08/22/world/europe/ukraine-crisis/>).

CNN/ORC POLL. 2014 (<http://i2.cdn.turner.com/cnn/2014/images/09/18/cnn.ukraine.poll.september.pdf>).

Freiherr von Fritsch R. 2014. *Goodwill is the Key to Restoring Confidence* (http://www.themoscowtimes.com/business/country_supplement/russia_germany/2014/eng/article/507735.html).

Gambetta D. 1988. Can We Trust Trust? // Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. — N.Y., Oxford.

Garton T. 2014. Putin's Deadly Doctrine // *The New York Times*. 18.07 (<http://www.nytimes.com/2014/07/20/opinion/sunday/protecting-russians-in-ukraine-has-deadly-consequences.html>).

German Ambassador to Russian: Trust Lost between Berlin and Moscow. 2014 // *European Dialogue*. 27.08 (<http://www.eurodialogue.eu/German%20Ambassador%20to%20Russian%3A%20Trust%20Lost%20between%20Berlin%20and%20Moscow>).

Herz J.H. 1950. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. Vol. 2. № 2.

Holsti O. 1976. Foreign Policy Formation Viewed Cognitively // Axelrod R. (ed.) *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. — Princeton.

Jervis R. 1976. *Perception and Misperception in International Politics*. — Princeton.

Kydd A. 2005. *Trust and Mistrust in International Relations*. — Princeton.

Lakshmanan I.A.R. 2014. Putin Has Destroyed Europe Trust in Russia: German Envoy // *Bloomberg*. 30.09 (<http://www.bloomberg.com/news/2014-09-29/putin-has-destroyed-europe-trust-in-russia-german-envoy.html>).

McCain S.J. 2008. Obama Say Financial Crisis Threatens U.S. Power Overseas // *The Wall Street Journal*. 8.10 (<http://online.wsj.com/articles/SB122343858382114475>).

Nocera J. Putin Shows His Hand. 2014 // *The New York Times*. 10.10 (<http://www.nytimes.com/2014/10/11/opinion/joe-nocera-putin-shows-his-hand.html?smid=fb-share>).

Notter J. 1995. Trust and Conflict Transformation // The Institute for Multi-Track Diplomacy. *Occasional Paper № 5* (<http://www.imtd.org/pdfs/OP5.pdf>).

Osgood Ch.E. 1962. *An Alternative to War or Surrender*. — Chicago.

Rupert J. 2014. General Wesley Clark: America's Global Strategy Begins with Ukraine // *Atlantic Council*. 9.10 (<http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/general-wesley-clark-americas-global-strategy-begins-with-ukraine>).

Russia Tops ISIS Threat, Ebola Worst of all? Lavrov Puzzled by Obama's UN Speech. 2014 // *Russia Today*. 24.09 (<http://rt.com/news/190392-russia-lavrov-obama-threat-speech/>).

Shuster S. 2014. Putin's Loss of German Trust Seals the West's Isolation of Russia // *Time*. 17.11 (<http://time.com/3590588/putin-merkel-germany-russia/>).

Top 10 Reasons Not to Trust Russia. 2010 (<http://www.heritage.org/research/factsheets/top-10-reasons-not-to-trust-russia>).

Wheeler N.J. 2012. Trust-Building in International Relations // *Peace Prints: South Asian Journal of Peacebuilding*. Vol. 4. № 2.